

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(410.1)«16»(048)

DOI 10.37724/RSU.2020.68.3.015

И. М. Эрлихсон

Социально-психологический портрет женщины Нового времени

(рецензия на книгу: Креленко Н. С., Чернова Л. Н., Костина А. К.

Такие разные... Судьбы английских интеллектуалок Нового времени : моногр.

М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2018. 352 с.) *

В предлагаемой рецензии анализируется коллективная монография Н. С. Креленко, Л. Н. Черновой, А. К. Костиной, в которой систематизируется и осмысливается исторический опыт становления женского самосознания на примере биографий английских интеллектуалок Нового времени.

Англия; Новое время; гендерная история; интеллектуальная история

Рецензируемая коллективная монография саратовских ученых-англоведов Л. Н. Черновой, Н. С. Креленко и А. К. Костиной посвящена исследованию культурно-интеллектуальных механизмов, посредством которых трансформировалась женская идентичность в период Нового времени. Ученица З. Фрейда Карен Хорни в классической работе «Психология женщины» утверждала, что «женщины приспособились к желаниям мужчин и стали считать такое приспособление своей истинной природой, и женская психология до сих пор представляет собой отражение мужских желаний и разочарований» [Хорни, 2009, с. 22]. Вступив на территорию женского мира, авторы монографии предоставляют слово своим героиням, воссоздавая таким образом их жизненные коллизии в контексте творческой реализации в сферах искусства, науки, образования и просвещения.

Формат книги — цикл независимых, самостоятельных биографических очерков, каждый из которых, как зеркальный элемент калейдоскопа, встраивается в реализацию авторского замысла, состоящего в том, чтобы показать разнообразные формы проявления женского самосознания в период становления современного для них общества. «Гендерная история излагалась, главным образом, в форме биографий. Подобные исследования, конечно, принесли ценные плоды. Они продемонстрировали способности женщин и таким образом реконструировали забытую часть прошлого...» [История женщин на Западе, 2009, с. 12.] Респектабельная лондонская горожанка Джоан Пайел, эксцентричная аристократка Маргарет Кавендиш, «несравненная Астрейя» Астрейя Аффа Бен, «республиканская фурия» Кэтрин Маколей, кроткая Мэри Шелли, независимая Шарлотта Бронте, категоричная викторианка Элизабет Истлейк, «властительница цифр» Ада Лавлейс, прерафаэлитские «Галатеи» Элизабет Сиддал и Энн Миллер... Плеяду удивительных женщин с непростыми судьбами объединяло стремление к реализации личностного потенциала, познанию своего внутреннего мира через публичную деятельность и выход за границы патриархального контроля.

* Эрлихсон И. М. Социально-психологический портрет женщины Нового времени (рецензия на книгу: Креленко Н. С., Чернова Л. Н., Костина А. К. Такие разные... Судьбы английских интеллектуалок Нового времени : моногр. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2018. 352 с.) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 3 (68). С. 142–149. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.015>

© Эрлихсон И. М., 2020

В самом широком смысле слова патриархат означает политическое и социальное господство мужчин над женщинами и детьми. В эпоху Средневековья и раннего Нового времени господство мужчин усиливалось благодаря полностью артикулированной политической теории патриархата, в которой функция мужчин как глав домашних хозяйств и отцов считалась аналогичной роли монарха. По справедливому утверждению Алана Брэя, «различия между полами были божественно санкционированы, естественны и предназначены для того, чтобы женщины управляли домашним хозяйством, а мужчины реализовывали себя в публичной сфере» [Bray, 1995, p. 112]. Но как верно замечает Л. Н. Чернова, автор очерка «Джоан Пайел: судьба лондонской горожанки XIV века», «реалии жизни далеко не всегда укладываются в прокрустово ложе общественных установок и нормативов» [Чернова, Креленко, Костина, 2018, с. 21]. Обстоятельства жизни Джоан, о которых крайне скупое повествование немногочисленные источники (брак по расчету с преуспевающим лондонским купцом, смерть сына, измена супруга, вдовство) довольно-таки ординарны и не представляли бы интереса в качестве ресурса для исторической реконструкции, если бы не одно обстоятельство. С удивительной целеустремленностью и энергией эта, казалось бы, ничем не примечательная женщина воплотила замысел своего супруга и, преодолев бюрократические и клерикальные препоны, добилась учреждения колледжа в Итлинборо. В отличие от других героинь, она не занималась литературной деятельностью, но ее почтение к знаниям и титанические усилия, приложенные к делу их распространения, по мнению Л. Н. Черновой, предвосхищали интерес последующих интеллектуалок Нового времени к проблемам воспитания и образования.

Хотя с начала 1600-х годов наблюдалось некоторое увеличение числа работ, написанных женщинами, последние оставались относительно редким явлением до середины XVII века. В Англии XVII века «очень немногие женщины по сравнению с мужчинами писали с намерением быть опубликованными: их работы составляют менее одного процента от общего числа текстов, опубликованных за этот период» [Hobby, 1988, p. 6]. Персоналии XVII столетия Люси Хатчинсон, Маргарет Кавендиш и Афра Бен — идеальные фигуры для анализа в контексте лингвистического дискурса, так как их творческое наследие (его-документы: автобиографии, письма, литературно-художественные тексты) является ярким образцом так называемого «женского письма» (*l'écriture feminine*). В свое время историки-феминологи объявили «женское письмо» инструментом саморепрезентации, свидетельством утраченной реальности, местом, где женщина обретает целостность.

Н. С. Креленко аргументированно доказывает, что уже в XVII столетии письменность приобретает новое значение как средство получения культурной значимости и обретения женской идентичности. Конечно, в рамках существующей гендерной иерархии женщины априори были лишены возможности достичь паритета с мужчинами ни социально, ни творчески, ни интеллектуально. «Мемуары жизни полковника Хатчинсона», трактаты, стихи, поэма, созданные Люси Хатчинсон, незаурядной женщиной, обладавшей умом, познаниями и литературными талантами, были предназначены не для широкой аудитории, а для близкого круга, а потому были опубликованы только в 1808 году.

А вот Маргарет Кавендиш была хорошо осведомлена о том, через сколько препятствий должна пройти женщина, чтобы стать *persona grata* в интеллектуально-литературном мире. Она стала первой женщиной в Англии, чьи произведения были в полном объеме опубликованы при жизни автора, хотя эксцентричное поведение делало ее предметом насмешек и общественного порицания. Характерно, что при непоколебимой уверенности в собственной исключительности, герцогине все равно приходилось считаться с потенциальными критиками-мужчинами, укрепляя их веру в присущую слабому полу неполноценность и раскланиваясь в реверансах за необдуманную дерзость в попытках опубликовать свою работу.

По мнению Н. С. Креленко, только Афра Бен являла собой пример, в терминологии Натали Дэвис, «дамы на обочине», то есть женщины, осознанно нарушавшей традиции распределения гендерных ролей. Но чем бы ни руководствовались героини — стремлением Люси Хатчинсон оправдать в глазах современников и потомков возлюбленного супруга, амбициями герцогини Кавендиш, смело вторгавшейся в монополизированные мужчинами сферы деятельности, или практическими соображениями Афры Бен, ставшей профессиональным литератором и жившей за счет продаж своих произведений, — несомненным является то, что именно *письмо* позволило героиням из недр собственного воображения и эмоций извлечь собственную пластичную реальность, представляемую в различных литературных формах.

К концу эпохи Просвещения, как подчеркивает Н. С. Креленко, количество женских публикаций не просто заметно, но кардинально возросло. Но «положение женщины в английском обществе оставалось прежним (собственность сначала отца, потом мужа). <...> Ей отводилась роль “бледного” подобия мужчины» [Чернова, Креленко, Костина, 2018, с. 87–88]. Советы и рекомендации прекрасному полу относительно поведения в обществе, нарядов, занятий, любви, семейного счастья, супружеской верности, на которые не скупилась самые блестящие умы эпохи — Дж. Аддисон, Дж. Свифт, Р. Стил, Б. Мандевиль, формируют парадигму зависимой роли женщины в общественном сознании описываемого периода. Это прекрасно осознавала яркая представительница английского Просвещения — Мэри Монтегю. В юности она проявила решительный характер, выйдя замуж за своего избранника против воли отца, что было для того времени довольно неординарным поступком. Безусловно, образ «пленительной Мэри», сочетавшей декларативный рационализм, природную импульсивность и женское обаяние, — творческая удача Н. С. Креленко, которая с восхищением описывает ее жизнь, останавливаясь на самых значимых эпизодах в становлении ее личности: несколько лет жизни в Стамбуле, предпринятая ею кампания оспопрививания (вариолизация), скандальная ссора с поэтом А. Поупом и, конечно, бесконечные европейские турне, из которых она писала письма многочисленным респондентам. По мнению Н. С. Креленко, именно эпистолы леди Монтегю, оставившей большое количество опубликованных работ — проза, эссе, стихи — составило жемчужину ее творческого наследия. Автор приходит к обоснованному выводу, что Мэри Монтегю, тонко чувствующая ту грань, за которой эпатирование публики оборачивалось нарушением патриархальной гендерной иерархии, никогда эту грань не переступала. «Прожив далеко не складную жизнь, совершив целый ряд непродуманных шагов, Мэри Уортли Монтегю сумела достаточно успешно приспособиться к существовавшим общественным отношениям, продемонстрировав женский вариант поведенческой практики человека Просвещения» [Чернова, Креленко, Костина, 2018, с. 114].

Но если в XVIII столетии на литературном поприще представительницы прекрасного пола чувствовали себя довольно уверенно и даже заняли свою небольшую нишу, то в области историописания все позиции были заняты мужчинами. Но эпоха Просвещения все же явила и исключение в лице Кэтрин Маколей, той, что посвятила свое перо Клио и удостоилась от современников противоречивых титулов «леди Фукидид» и «республиканская фурия». Н. С. Креленко воссоздает этапы жизненного пути Кэтрин Маколей, анализирует ее монументальный труд «История Англии», а также «Письма об образовании», «Возражения достопочтенному Э. Берку» и приходит к выводу, что она была не просто бунтаркой, отстаивавшей свое человеческое «я», но и выразительницей духа Просвещения, скорее во французском, чем в английском, варианте.

Большое место в монографии отведено интеллектуалкам «железного» века. «XIX век уже в первое десятилетие встревожил умы непредсказуемыми переменами в обществе, вызванными промышленным переворотом. Неожиданные последствия внедрения технических новшеств, стремительный упадок одних слоев и столь же стремительное возвышение других, разрушение привычного образа жизни — эта воцарившаяся неразбериха и полнейшая неопределенность вызывали желание найти способы замены шатких основ общества на более прочные» [Андерсон, 2000, с. 47.]

По справедливому утверждению Н. Л. Пушкиревой, «“прогрессивность” многих процессов и явлений... выглядит таковой только в системе мужских абстракций о Добре и Счастье... Да и славные буржуазные революции не торопились распространить на женщин лозунг “Свобода, равенство, братство”» [Пушкарева, 2001, с. 284–285]. Но эмансипация человеческого духа, его освобождение от оков традиционных стереотипов были слишком влиятельной тенденцией, чтобы не сказаться на социальном статусе женщины. Мэри Уолстонкрафт (в замужестве Годвин) стала олицетворением феминизма на этапе его становления. Своим эпатажным бунтарством и трудами, впоследствии ставшими классическими, она обозначила необходимость завоевания гражданских свобод как условия превращения женщины в политически и экономически полноценного члена общества. Ее дочь Мэри, ставшая женой знаменитого поэта Перси Шелли, непохожая на мать своей кротостью характера, была также несчастна в браке (постоянная нехватка денег, скитания, тяжелые беременности, смерть детей в младенческом возрасте). Н. С. Креленко оценивает творчество Мэри Шелли как рядовую литературную продукцию, за исключением антиутопии «Последний человек» и, конечно, знаменитого готического романа «Франкенштейн, или Новый Прометей». Весьма кратко изложив сюжетную канву, Н. С.

Креленко заключает, что авторский замысел заключался в том, чтобы показать пагубность человеческих попыток вмешаться в созданное Творцом равновесие посредством рискованных научных экспериментов.

Знакомство с обстоятельствами жизни и характером героини очерка «Графиня Лавлейс, опередившая время» заставляет вспомнить о судьбе вышеупомянутого персонажа Мэри Шелли Виктора Франкенштейна, который так же неудержимо стремился разгадать загадки мироздания. Плод скандального союза знаменитого поэта-романтика Дж. Байрона и «королевы параллелограммов» Анабеллы Милбенкс — Ада, обладательница ангельской внешности и дьявольского ума, была неукротима в своей страсти к математике, воспринимаемой ею через призму поэтического видения. Стараниями матери она получила прекрасное образование, а ее муж лорд Лавлейс доброжелательно относился к ее научным изысканиям и не препятствовал сотрудничеству с Ч. Бэббиджем, занимавшимся разработкой аналитической машины. Ада Лавлейс прожила короткую, но яркую жизнь: ее единственный научный труд «Комментарии переводчика», явившийся приложением к статье Л. Ф. Менабреа «Описание аналитической машины, изобретенной Ч. Бэббиджем» вышел под инициалами «А. А. Л.». Н. С. Креленко не согласна с оценками ревизионистской историографии, не признающей заслуг Лавлейс-математика и представляющей ее не более чем восторженной дилетанткой. Партнерство Ады с Бэббиджем автор оценивает как идеальное с точки зрения гендерного распределения ролей: научного руководителя — мужчины и разработчика — женщины, для которой задача *воспитания* искусственного интеллекта коррелирует с внутренней природой, детерминированной материнским инстинктом.

С исчерпывающей полнотой в рецензируемой монографии раскрывается деятельность сестер Бронте. Их короткие жизни пришлось на «золотой век» английского общества, когда «для всего были выработаны нормы и правила и не полагалось вырываться за жесткие рамки установленного единообразия» [Чернова, Креленко, Костина, 2018, с. 211]. Литературные опыты писательниц постоянно перемежались с поисками более обыденных вариантов жизненного пути на педагогическом поприще. После анонимного творческого дебюта в 1846 году сестры отказались от поэтического жанра из-за большой конкуренции и обратились к прозе, но при жизни «легкое прикосновение Славы» [Чернова, Креленко, Костина, 2018, с. 209] почувствовала только Шарлотта. По мнению Н. С. Креленко, сестры — затворница Эмили, нежная Энн и благородная викторианка Шарлотта — представляют собой творческий феномен, удивительный своим единством и одновременно уникальностью художественного мира, созданного воображением каждой из участниц писательского трио.

Джейн Эйр, героиня самого знаменитого романа Шарлотты Бронте, вызвала негодование влиятельного литературного критика Элис Ригби (в супружестве Истлейк), которая охарактеризовала ее как аморальную особу, а сам роман как анархистское сочинение. Эту незаурядную женщину, один из псевдонимов которой звучал как «Королева Бесс», Н. С. Креленко описывает как «типичную викторианскую интеллектуалку, умную, образованную, имеющую свое собственное мнение в строго обозначенных рамках системы ценностей» (Чернова, Креленко, Костина, 2018, с. 250). В старости, когда ревматизм лишил ее возможности передвигаться самостоятельно, леди Истлейк не оставляла сочинительства и печаталась для авторитетных журналов, постоянно расширяя сферу авторского интереса от прибалтийско-германской проблематики до искусства Итальянского Возрождения. Ее супруг Чарльз Истлейк, хранитель, а с 1855 года директор Национальной галереи, начал собирать полотна художников разных стран, а также работы ранних итальянских мастеров, которыми до него совет попечителей пренебрегал, считая их примитивными. Благодаря его деятельности создано уникальное собрание шедевров живописи Итальянского Возрождения, коллекция музея пополнилась 137 знаменитыми полотнами дорафаэлевского этапа кисти Пьетро Перуджино, Пьеро делла Франческа, Фра Беато Анджелико и др.

Чарльз Истлейк, почтенный викторианец, косвенным образом поспособствовал возникновению Братства прерафаэлитов — содружества молодых художников, объединенных при своем возникновении главным образом неприятием процветающего академического и салонного искусства. Прерафаэлиты, протестующие против условности господствующей живописи, выдвинули задачи искусства, свободного от формул академической школы, и обратились к творчеству ранних мастеров дорафаэлевского времени. В Братство прерафаэлитов входили смелые, харизматичные и своенравные личности, которые иначе смотрели на женскую природу. Прекрасный пол изображался на холсте детально и часто их музами и натурщицами были любовницы, жены, наложницы, подружки, даже проститутки [Матвеева, 2015]. В рецензируемой

монографии представлены четыре сюжета, связанные с именами Кристины Россетти, Элизабет Сиддал, Энн Миллер и Эффи Грей. До сих пор мы любим нежными лицами и хрупкими фигурами этих прекрасных женщин, запечатленных на холстах в облике античных богинь, библейских дев, шекспировских героинь. Рыжеволосая красавица Элизабет Сиддал стала олицетворением женщины круга прерафаэлитов. А. К. Костина, воссоздавая ее биографию, акцентирует внимание на том, что, вдохновив Д. Г. Россетти и Дж. Миллеса на создание шедевров, Элизабет была не просто натурщицей, она упорно искала возможность выразить себя в творчестве. Ее немногочисленные поэтические опыты отмечены обаянием ее неповторимой личности. Страдая от приступов невралгии и наркотической зависимости, она сумела передать свое состояние в стихах: «Исчерпана моя любовь / И позабыта была / И я лежу в траве-зерно / Измолотое в пыль». Элизабет была единственной женщиной-участницей выставки прерафаэлитов в Англии и Америке, а ее «простая, чуть детская манера письма напоминала удивительно гармоничные фрески итальянских художников XIV века, а образы были преисполнены тоской и обреченностью» [Чернова, Креленко, Костина, 2018, с. 291].

В отличие от Элизабет Сиддал, истории Энн Миллер, модели знаменитого «Пробуждения души» Уильяма Ханта и Эффи Грей, ставшей героиней прерафаэлитского любовного треугольника и яблоком раздора между влиятельным художественным критиком Джоном Рёскиным и художником Джоном Миллесом, завершились вполне благополучно — респектабельным буржуазным браком. Этих двух женщин, безусловно очень разных, роднит то, что они едва ли могут быть отнесены к интеллектуалкам, стремившимся реализовать себя в творчестве, так как их интересы были сосредоточены на семейных ценностях. Тем не менее, подчеркивает А. Е. Костина, им хватило твердости духа и мужества, чтобы выстроить судьбу в соответствии с собственными желаниями и представлениями о счастье, не нарушив при этом общественных норм своего времени.

Завершая рецензию, хочется вспомнить слова Ж. Дюби и М. Перро, которые в предисловии к «Истории женщин» предупреждали, что личности, на которые биографы тратили столь много внимания, завораживают, и именно поэтому следует быть осторожными и не поддаваться их чарам. Французские историки обозначили важную методологическую проблему: «считать ли выдающихся женщин исключениями из правил или, напротив, фигурами, характеризующими эпоху и социальную среду?» [История женщин, 2009, с. 12]. И насколько оправданно применение к героиням очерков термина «интеллектуал»? Ведь это понятие появилось гораздо позже — в конце XIX века, и с тех пор его значение постоянно коррелировалось в направлениях сжатия или расширения в зависимости от исследовательского контекста. Интеллектуал — это прежде всего общественный деятель, носитель истины, в значительной степени детерминирующий общественные нормы и ценности. «При этом интеллектуал — это не просто образованный человек. Важной характеристикой интеллектуала является его публичность, авторитетность, известность в широких кругах. Интеллектуал выступает генератором идей, это творческий человек» [Ярош, 2011, с. 100]

Авторы монографии дают ясный и четкий ответ на эти вопросы. С формально-юридической точки зрения положение женщин в описываемый период не изменилось, но отчасти изменилась картина гендерных отношений, во многом благодаря героиням монографии, которые искали возможность самореализации в координатах своего времени и тем самым трансформировали их. Они не были ниспровергательницами фундаментальных общественных норм и в качестве кратчайшего пути к эмансипации выбирали писательство — единственный, по выражению Дж. С. Милля, способ гласности, дозволенный обществом. Я. А. Мильнер-Иринин, разработавший этическую концепцию нравственности, писал: «И если человек призван быть укротителем стихии, то женщина — укротительница стихии вдвойне — по самой природе женской *доброты*, по самой природе существа мирного и трудолюбивого» [Мильнер-Иринин, 2010, с. 193]. Примеры М. Монтегю, М. Шелли, М. Кавендиш, сестер Бронте, К. Россетти, Э. Сиддал подтверждают, что самый эффективный способ женской самореализации, вне зависимости от эпохи, есть не разрушение, а *приспособление и созидание*.

Безусловно, о каждой из этих удивительных женщин существует обширная литература, тем не менее историки продолжают обращаться к их жизни и творчеству, пытаясь найти в них все новые и новые грани. На наш взгляд, творческой удачей авторского коллектива является то, что, опираясь на широкую источниковую базу, им удалось создать социальный портрет женщины Нового времени, включающий психологические характеристики, поведенческие модели, специфику восприятия окружающего мира и самой себя в этом мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андерсон К. М. Просвещение и утопии XVIII и начала XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 12 : Политические науки. — 2000. — № 4. — С. 47–50.
2. История женщин на Западе : в 5 т. : пер. с фр. / под ред. К. Клапиш-Зубер. — Т. 2 : Молчание Средних веков. — СПб. : Алетейя, 2009. — 507 с.
3. Матвеева Е. А. Образ женщины в живописи прерафаэлитов: сквозь призму культурологии // Молодой ученый. — 2015. — № 5 (85). — С. 624–627. — URL : <https://moluch.ru/archive/85/15827/> (дата обращения: 17.07.2020).
4. Мильнер-Иринин Я. А. Женственность. — СПб. : Алетейя, 2010. — 317 с.
5. Креленко Н. С., Чернова Л. Н., Костина А. К. Такие разные... Судьбы английских интеллектуалок Нового времени. — М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2018. — 352 с.
6. Пушкарева Н. Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования : учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. — Харьков ; СПб. : Алетейя, 2001. — 708 с.
7. Хорни К. Психология женщины : пер. с англ. — М. : Академический проект, 2009. — 237 с.
8. Ярош Н. Н. Интеллигентные интеллектуалы как движущая сила модернизация России // Экономический журнал. — 2011. — № 2 (22). — С. 99–107.
9. Bray A. Homosexuality in Renaissance England. — New York : Columbia University Press, 1995. — 165 p.
10. Hobby E. Virtue of Necessity: English Women's Writing 1649–88. — London : Virago Press, 1988. — 269 p.

Сведения об авторе

Эрлихсон Ирина Мариковна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: английская общественная мысль XVII–XVIII веков, раннее Просвещение.

Контактная информация: тел.: (4912) 28-05-10; электронный адрес: i.erlikhson@365.rsu.edu.ru

I. M. Erlikhson

The Social and Psychological Portrait of a Modern Woman
(Reviewing the book by Krelenko N. S., Chernova L. N., Kostina A. K.
Takie raznye... Sud'by anglijskih intellektualok Novogo vremeni
[So Different... The Fates of Modern English Women Intellectuals].
Moscow, Dmitry Pozharsky University Publ., 2018, 352 p.)*

The present book review analyzes the collective monograph authored by N. S. Krelenko, L. N. Chernova, and A. K. Kostina. The reviewed monograph systematizes and assesses history of self-awareness in women at the example of modern English women intellectuals.

England; modernity; gender history; intellectual history

REFERENCES

1. Anderson K. M. Enlightenment and Utopias of the 18th Century and the Early 19th Century. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12 : Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science]. 2000, no. 4, pp. 47–50. (In Russian).
2. *Istorija zhenshhin na Zapade: v 5 tomah. Tom 2 Molchanie Srednih vekov* [Feminine History in the West: in 5 volumes. Volume 2. Silence of the Middle Ages]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2009, 507 p. (Transl. from French).

* Erlikhson I. M. The Social and Psychological Portrait of a Modern Woman (Reviewing the book by Krelenko N. S., Chernova L. N., Kostina A. K. *Takie raznye... Sud'by anglijskih intellektualok Novogo vremeni* [So Different... The Fates of Modern English Women Intellectuals]. Moscow, Dmitry Pozharsky University Publ., 2018, 352 p.). *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2020, no. 3 (68), pp. 142–149. (<https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.015>)

3. Matveeva E. A. The Image of a Woman in Pre-Raphaelite Art: through the Prism of Cultural Studies. *Molodoy uchenyj* [Young Scientist]. 2015, no. 5 (85), pp. 624–627. Available at : <https://moluch.ru/archive/85/15827/> (accessed: 17.07.2020). (In Russian).
4. Mil'ner-Irinin Ja. A. *Zhenstvennost'* [Femininity]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2010, 317 p. (In Russian).
5. Krelenko N. S., Chernova L. N., Kostina A. K. *Takie raznye... Sud'by anglijskih intellektualok Novogo vremeni* [So Different... The Fates of Modern English Women Intellectuals]. Moscow, Dmitry Pozharsky University Publ., 2018, 352 p. (In Russian).
6. Pushkareva N. L. Gender Problems in History. *Vvedenie v gendernye issledovanija* [An Introduction to Gender Research]. Zherebkina I. A. (ed.). Kharkov, St. Petersburg, Aleteya Publ., 2001, 708 p. (In Russian).
7. Horne K. *Psihologija zhenshhiny* [Feminine Psychology]. Moscow, Academic Project Publ., 2009, 237 p. (Transl. from English).
8. Jarosh N. N. Educated Intellectuals as the Driving Force of Modernization in Russia. *Jekonomicheskij zhurnal* [Economic Journal]. 2011, no. 2 (22), pp. 99–107. (In Russian)..
9. Bray A. *Homosexuality in Renaissance England*. New York, Columbia University Press Publ., 1995, 165 p.
10. Hobby E. *Virtue of Necessity: English Women's Writing 1649–88*. London, Virago Press Publ., 1988, 269 p.

Information about the author

Erlihson Irina Marikovna — Doctor of History, Professor in the Department of World History and International Relations at Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: British social thought of the 17th–18th centuries, Early Enlightenment.

Contact information: Phone No. (Ofc): (4912) 28-05-10; e-mail: i.erlihson@365.rsu.edu.ru

Поступила в редакцию 01.01.2020

Received 01.01.2020